

РЕЦЕНЗИЯ

**ПАРАДОКС
ДВОЙСТВЕННОСТИ:
КНИГА О ТОМ, КАК
УСТРОЕНА РОССИЯ**
(рецензия на книгу
А.П. Прохорова «Русская
модель управления».
М.: ЗАО «Журнал
“Эксперт”», 2002)

М.А. КОРЫТЦЕВ

кандидат экономических наук, старший преподаватель экономического факультета, Ростовский государственный университет

Вопрос о тяжелой и до конца не понятой исторической судьбе нашей страны будоражил интеллект многих мыслителей прошлого и современности. Трудно предположить также, что ситуация в этом отношении как-то изменится в будущем. Ученые-обществоведы и просто интеллигентная публика не оставляют в покое этот «вечный вопрос», пытаются как объяснить специфический феномен российского общества, так и прописать соответствующие рекомендации о том, что и как следует в нем улучшать. Проблема, однако, состоит в том, что при дефиците понимания, присущем многим авторам, трудно рассчитывать и на высокое качество рекомендаций. Можно порадоваться, что рецензируемая здесь работа содержит глубокий анализ закономерностей социально-экономического развития страны. При этом автор не прибегал к использованию сложных теоретических конструкций и аналитического инструментария, от чего, следует признать, его работа особенно не проиграла. Сильной стороной работы можно считать обширность используемого фактологического материала — список литературы превышает 350 источников, значительная часть которых имеет исторический характер. Соответственно, автор иллюстрирует тезисы и выводы в своей работе огромным числом исторических примеров, что делает чтение более увлекательным.

Автор анализирует российскую модель развития посредством управленческих концептов, имея на это, как мы полагаем, полное право. Ведь в отличие от европейской цивилизации, в которой

на протяжении средневековья и пост-средневековья сформировались функционирующие автономно от государственной власти институты гражданского общества, во многом обусловившие в дальнейшем успешное развитие также и рыночной экономики, в России сформировавшаяся государственная управленческая вертикаль существенным образом ограничила возможности развития страны по европейскому сценарию. Российское государство смогло создать масштабный мобилизационный механизм, позволивший аккумулировать и перераспределять имеющиеся в стране ресурсы. Этот механизм обеспечивал также зависимость всех составляющих экономической системы от органов центрального управления, которое таким образом формировало и воспроизводило специфическую «русскую» модель управления.

Центральным звеном этой модели стал как раз упомянутый мобилизационный механизм. Благодаря последнему государство оказалось способным периодически обеспечивать концентрацию значительных материальных и людских ресурсов на нужных направлениях, что было особенно актуально в критические периоды истории страны (войн или радикальных реформ). Ресурсы эти, как правило, расходовались недостаточно эффективно, но результативно — т.е. несмотря на перерасход ресурсов (когда, например, в военные годы Россия позволяла себе потери, не сравнимые с потерями противника), поставленная задача, как правило, решалась, и к тому же часто это достигалось в рекордно короткие сроки.

Однако такая «работа на износ» истощала ресурсы и население страны, в том числе и государственный аппарат, который нес свои риски и потери. Естественным выходом из создавшейся ситуации был выход из нестабильной фазы, перевод работы и жизни страны в более спокойное русло. И действо-

вавшая система управления «научилась» переключаться из нестабильной фазы в стабильную. Естественно, при этом результативность работы системы резко снижалась, но такой переход позволял сохранить страну от полного истощения.

Конечно, ключевую роль здесь играл централизованный бюрократический аппарат — именно с его помощью, а также с помощью встроенных в него параллельных структур идеологического и (или) контрольного назначения (партийные, церковные структуры, органы госбезопасности и т.п.) страна попеременно могла переходить то в нестабильную мобилизационную фазу, то в фазу устойчивой стагнации. В периоды устойчивой стабильности эффективность работы госаппарата резко снижалась — на этой стадии государственные и негосударственные структуры более имитировали (саботировали) свою деятельность, чем реально стремились добиться выполнения поставленных перед ними задач. В случае если подобная «имитация» заходила слишком далеко, это могло привести к полной потере управляемости — в качестве примеров в книге приводятся окончание периодов царствования Николая I и Николая II. У всех на памяти также застойные «брежневские» годы.

Интересно, что, по Прохорову, сформировавшаяся в России специфическая «управленческая модель» принципиально не меняла своего характера даже при смене идеологической направленности развития, как это, например, произошло после революции и гражданской войны. Основы же самой системы стали закладываться в эпоху формирования Московского государства, хотя отдельные элементы существовали еще и во времена Киевской Руси.

Нельзя сказать, однако, что сложившаяся система ввергала страну «в пучину тоталитаризма». У централизованной системы управления были свои ограни-

чения, которые, как правило, руководство осознавало. По этой причине государство сознательно ограничивало свое вмешательство в низовые кластерные структуры — в первичные социальные, военные и производственные ячейки. Руководство могло ставить перед кластерами определенные задачи и требовать их выполнения, но вот уже способ решения поставленных задач определялся на низовом уровне, как правило, самостоятельно. При этом кластеры несли коллективную ответственность перед вышестоящей властью за результат, и такая круговая порука, несомненно, была способна успешно спланировать и мотивировать. Примеров, иллюстрирующих этот принцип, в книге также приводится множество — классическим является здесь пример устройства сельской крестьянской общины, несущей коллективную ответственность (круговую поруку) перед государством и помещиком за надлежащую выплату подати, оброка, выполнение барщинной повинности и др.

Попытки же вмешаться в функционирование низовых кластерных структур путем детальной регламентации их деятельности, как правило, давали лишь отрицательный эффект — и здесь опять можно приводить примеры из советской эпохи.

Нельзя сказать при этом, что существующая система исключает конкуренцию как таковую. Подавляется конкуренция в ее западном понимании, т.е. между самостоятельными агентами с типичной экономической мотивацией. Однако во время нестабильной фазы работы системы включается так называемая «конкуренция администраторов — между низовыми кластерными структурами и даже внутри них. Производственные цеха конкурируют между собой, колхозные бригады — между собой, а научные школы — между собой. Причем условия отбора здесь могут быть очень жесткими — победителей выдвигают

вперед, наделяют необходимыми для развития ресурсами, активно прославляют и пропагандируют, неудачники же порой не просто отстраняются от активной деятельности в данной сфере, но даже могут подвергнуться репрессиям.

Каковы причины образования такой специфической «русской модели»? Автор в этом вопросе, возможно, не оригинален, но, так или иначе, он указывает на три причины. Во-первых, это особенности русского климата. Крестьяне были вынуждены в короткий летний вегетационный период, характерный для средней полосы Европейской части России, успеть выполнить весь необходимый объем сельскохозяйственных работ — естественно, это требовало неимоверного напряжения сил и ударной работы. В то же время на смену короткому теплоте периоду приходили холодные месяцы, вынуждая крестьян к длительному застою и бездействию. Естественно, для системы управления страной, подавляющее большинство населения которой до начала XX столетия относилось к крестьянству, это не могло пройти бесследно.

Во-вторых, России периодически приходилось вести разорительные войны с кочевыми азиатскими народами. Автор делает при этом существенные разъяснения, проводя различия между войнами, традиционными для европейских государств, и войнами, в которых участвуют кочевники. Европейские государства с преобладающим сельскохозяйственным населением имели заведомо ограниченные возможности по рекрутированию новобранцев — в случае если в ходе войны погибало более 30–40% взрослого населения, это ставило под угрозу физическое выживание нации, так как не хватало сельскохозяйственных работников для обработки земли и выращивания сельхозкультур. Поэтому если в ходе войны потери достигали критической отметки, сама вой-

на переходила в латентную форму до той поры, пока совершеннолетия не достигало следующее поколение «воинов и землепашцев». В этом отношении европейские страны находились примерно в равном положении — нередки прецеденты, когда европейские войны затягивались на долгие годы, а то и десятилетия (Тринадцатилетняя война, Тридцатилетняя война, Столетняя война).

С кочевниками же дела обстояли иначе. Для выпаса скота достаточно было не более 10–20% от средней численности мужского населения скотоводческих народов. Соответственно, остальные оказывались не удел и могли упражняться в военной выучке и набегах на соседние страны. Тем более что для кочевников такой воинственный образ жизни был прямым и наиболее дешевым средством обогащения. Россия, граничившая со степными просторами Азии, зачастую становилась первой мишенью подобных набегов. Хазары, печенеги, половцы, монголы, крымские татары, ногайцы и др. на протяжении столетий постоянно разоряли русские поселения, а татаро-монголы в течение более чем двухсот лет установили господство над русскими землями. В ходе многовековой борьбы с кочевыми народами выработался механизм централизованной мобилизации ресурсов, позволяющих стране противостоять жестоким набегам. Очевидно, что успешно противостоять им помогала лишь всеобщая концентрация значительных сил даже такой огромной державы, как Россия. Естественно, в случае устранения угрозы страна должна была восстановить свои силы и возместить потери, переключившись в более спокойный и устойчивый режим существования.

Наконец, третьей причиной формирования этой модели стали особые идеологические установки, формирующие завышенный уровень государственных притязаний. В свое время еще Иван Грозный провозгласил Москву Третьим

Римом, и в дальнейшем идея величия и мессианства Российского царства, позднее империи — явно прослеживалась. Конечно, как и у всякой империи, у России были при этом собственные внешнеполитические интересы и зоны влияния в мире, контроль над которыми она старалась не упустить. Например, участие страны в первой мировой войне, закончившейся для нее столь трагично, было спровоцировано, как известно, не угрозой прямой агрессии, а стремлением сохранить и расширить свое влияние в Юго-Восточной Европе.

Идеологические установки, перераставшие в непомерные государственные амбиции, играли огромную роль и в Советском Союзе: миссия «освобождения мирового пролетариата от буржуазного гнета» активно популяризировалась в массах.

В конечном счете, замешанная на амбициях государственная идеология ставила планку требований к государству и обществу так высоко, что неизбежным следствием этого становились непомерно высокие требования к подданным государства. Государство переводило систему управления в нестабильный режим, проводило мобилизацию ресурсов и их перераспределение на решающие направления. Эти меры осуществлялись столь жестко, что ценой колоссальных жертв и перерасхода ресурсов намеченная цель достигалась. Ее достижение, предполагавшее захват новых земель, создание новых отраслей, освоение новых технологий и видов деятельности, означало расширение ресурсной базы и тем самым компенсировало хищнический перерасход ресурсов, имевший место в процессе решения данной задачи.

Интересно, что многие характерные особенности как социально-экономических институтов, так и обыденного поведения наших граждан обусловлены упомянутой двухрежимной моделью. Например, это можно сказать о специ-

фическом отношении россиян к законодательной сфере. Все знают, что в нашей стране законы существуют для того, чтобы их не выполнять, — и данная традиция процветает на Руси уже много столетий. Источник проблемы здесь видится как раз в том, что чередование стабильных и нестабильных управленческих периодов поощряет принципиально разные модели поведения государственного аппарата и населения в целом. В нестабильный период поощряется конкуренция и энергичность, новаторские идеи и поиск нестандартных способов решения проблем, лояльность по отношению к руководству, инициатору преобразования, и стремление сотрудничать с ним вплоть до готовности донести на нерадивых коллег. Во времена стабильности, наоборот, распространение получают стереотипы поведения, стимулирующие уклонение от добросовестного выполнения своих функций и ответственности, имитацию продуктивной деятельности, скрытый саботаж. Так или иначе, но обе модели поведения, как правило, не совпадают с законодательным регламентом, поэтому как работники, так и начальство склонны закрывать глаза на расхождение практической деятельности с законодательными требованиями. Причем руководство исполнительной власти часто даже целенаправленно поощряло формально незаконные действия, позволяющие, например, результативно достичь поставленной цели. Автор приводит в пример знакомую практику советского периода, когда комитеты партии могли принуждать руководство предприятий периодически отвлекать материальные и людские ресурсы на реализацию различных посторонних относительно основных функций предприятий программ, например, на помощь подшефным колхозам. Формально парткомы законодательно не имели права давать соответствующие указания, а предприятия не обязаны были их выполнять — но прак-

тика работала по другим законам. Немало примеров автором приводится также из истории дореволюционной России.

Но самое интересное то, что даже повседневные моральные установки и бытовое поведение граждан оказались проникнуты духом двойственности отечественной управленческой системы. В зависимости от того, в каком из двух режимов управления находилась страна, в обществе получал господство тот или иной тип морали. По словам автора, «русский — это тот, кто может быть в одну эпоху Стахановым или Корчагиным, а в другую — Чичиковым или бомжом. Тот, чей склад характера позволяет ему быть в зависимости от ситуации тем и другим, и есть настоящий русский». Консервативное, бережливое, устоявшееся безрисковое поведение и соответствующие ценности в один период явно контрастировали с риском, готовностью к новациям, авральщине и просто к прожектерству, отрицанием всех устоявшихся традиционных правил, норм поведения и привычек, проявлявшихся в другие периоды. Автор и здесь приводит много исторических и литературных примеров. Он приводит также интересное объяснение, разъясняющее этот «феномен русской души». Существенным фактором, определявшим в средние века систему морально-этических ценностей, был институт церкви. В Западной Европе доминирующая католическая церковь представляла собой, по сути, надгосударственный институт — государственные структуры, как правило, не могли ощутимо повлиять на ее политику и, соответственно, содержание вероучения, в том числе в части его прикладного этического аспекта. Поэтому в сознании многих европейцев этические нормы поведения выступали как нечто, слабо зависящее от текущей социальной или политической конъюнктуры, и были тем якорем, который стабилизировал менталитет и образ жизни населения, по-

зволюя ему сопротивляться резким переменам в образе жизни и отказу от традиций.

В России же православная церковь, особенно после Петра, традиционно занимала подчиненное по отношению к светской власти положение, выступая часто ее апологетом, придавая ей ореол божественности, руководствуясь принципом «Нет власти еще не от Бога». Соответственно, русской церкви часто приходилось морально оправдывать действия властей, убеждая прихожан в необходимости принимать тот образ действий, который навязывался верховной властью в данный момент времени. Таким образом, на протяжении столетий русской истории идеологическая сфера никоим образом не препятствовала радикальной смене режимов функционирования системы управления, резким изменениям образа жизни и смене стереотипов поведения. Идеология не была стабилизирующим элементом жизни общества, что наложило серьезный отпечаток на традиционные стереотипы поведения населения.

Каковы же перспективы «русской модели управления»? По мнению автора, не очень радужные. Во-первых, это связано с затратностью подобной модели — мобилизация и высокий расход ресурсов становятся для России непозволительной роскошью, когда ресурсная база страны в условия демографического спада, испорченной экологии и истощения многих доступных прежде природных ресурсов оказалась фактически подорванной.

Во-вторых, современная эпоха характеризуется как эра постиндустриализма — для того, чтобы просто «догнать Запад», теперь явно недостаточно постараться сымитировать технико-производственные структуры западных держав. Теперь социально-экономический прогресс определяется прежде всего «эффективностью воспроизводства социальных институтов и образа жизни,

обеспечивающих западные экономические и культурные преимущества» (с. 319), предоставляемыми социумом возможностями (в том числе и коммерческими) реализации творческих способностей индивидов. Без либеральных свобод, вступающих в неизбежный антагонизм с жесткой мобилизационной моделью российского образца, на успех теперь рассчитывать не приходится. В условиях информатизации и «виртуализации» экономики централизованный контроль за ресурсами, обеспечивающий их своевременную мобилизацию, становится не только сверхзатратным, но и реально не осуществимым.

Конечно, можно предположить, что отжившая система похоронит вместе с собой и само государство, которое во многом благодаря именно ей и развило имеющиеся преимущества. Автор все-таки оптимистично полагает, что модель способна к реформированию. В этом случае, однако, придется пожертвовать ключевой ролью государства. Тем не менее традиционную двухрежимную модель можно будет постараться перевести на кластерный уровень, когда первичные социальные и хозяйственные структуры могут воспроизводить тот или иной управленческий режим, в зависимости от целей и потребностей самих организаций. Предполагается, что от успешной работы низовых структур государство и общество в целом должны выиграть. Автор при этом не ожидает, что большинство наших граждан будет способно на выработку самостоятельных оптимальных стратегий поведения — отсутствие отечественных либеральных традиций является здесь существенным фактором. Поэтому именно кластерным структурам как промежуточному звену между государством и гражданином отводится ключевая роль.

Интересно и то, что А.П. Прохоров не ограничивается анализом «русских судеб», а пытается их вписать в общецивилизационный контекст. Отхо-

Парадокс двойственности...

для от традиционного для отечественного обществоведения формационного подхода, для которого, кстати говоря, существуют свои трудности в объяснении «логики российской истории», автор предлагает рассматривать прогресс мировой цивилизации через призму расширения конкурентных отношений. В отличие от древних обществ с жестко регламентированной социальной структурой, практически исключавшей конкурентные отношения внутри государственных образований, выводя их во внешнеполитическую сферу вооруженного противостояния, позднее конкуренция все более активно проникала внутрь общественного организма в эко-

номической, административной и политической плоскостях. Но и в подобных концептуальных рамках Россия остается страной-загадкой, которая выбивается из общего тренда цивилизационного развития, и, соответственно, объяснения, справедливые для остального мира, для нашей страны перестают работать. Кажется, что автору все-таки поневоле самому пришлось столкнуться с этим парадоксом, который вызвал у него, по видимому, серьезные затруднения. Но эти трудности не относятся к основной теме книги и потому не портят впечатления, а только заостряют внимание на ее дискуссионности и делают ее прочтение еще более интересным.